

В отдельных случаях, когда мысль изречения была ясна и без сопоставления ее сопоставления, оно отпадало в устной передаче. Так, изречению Иисуса Сираха «Красьна есть милостини в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (Изборник, стр. 352—353) соответствует в записях XVII и XVIII в. пословица: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; Петр., стр. 38; Татищев, стр. 52).

Стремление народной пословицы к лаконизму можно наблюдать и на судьбе книжного афоризма Иисуса Сираха о действии «мзды» — взятки: «Мъзда и дарове ослепляють очи мудрых, да видяштей не видять» (Изборник, стр. 362—363). С XVII по XX в. это изречение известно в двух вариантах: «Мзда и мудрых ослепляет», «Дары и мудрых ослепляют». Но рядом с этими несомненно книжного происхождения устными отголосками старого афоризма в условиях феодального общества создавались разнообразные пословицы о силе взятки, ничем, кроме общего их значения, не связанные с литературной традицией. Так, и осуждение пьянства в пословицах выражается не только словами книжного афоризма: «Люббя вино и масло не обогатится» (Симони, стр. 118 и др.) — ср. в Изборнике цитата из апостола Павла: «Делатель пьяница не обогатееть» (стр. 685), но параллельно с XVII до XIX в. живет народная пословица: «Пить до дна — не видать добра» (см. выше, стр. 14). Сжимает пословица и изречение Иисуса Сираха — «Жены добры блажен есть муж ея, и число дънии его сугубо» (Изборник, стр. 383). В устной передаче с записей XVII в. до сборника Даля этот афоризм передается так: «Женою доброю муж честен бывает» (см. выше, стр. 15).

Книжное изречение, переходя в устную речь сначала в близкой к литературе форме, в конце пути иногда приобретает характерную для народных пословиц ритмичность изложения. Например, в Изборнике среди изречений Иисуса Сираха, посвященных теме дружбы, есть и такой: «...И есть друг тряпезам обштьник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 328). В записях XVIII в. первая часть этого афоризма передается так: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Но Даль записывает художественно обработанные обе части книжного изречения, противопоставляющие поведение друзей в дни «трапез», т. е. богатства, и в дни «скърби»: «При пире, при бражке — все дружки, при горе-кручине — нет никого», «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (стр. 776, 777).

Можно предполагать, что в отдельных случаях бытовые уподобления, применяемые в литературных изречениях, идут от далекой устной традиции. В таких примерах сходство с русскими пословицами, возможно, объясняется тем, что у разных народов одинаковые пословицы, построенные на одних и тех же бытовых образах, возникали независимо от каких-либо «влияний». Например, Иисус Сирах так излагает свое предостережение бедному — не общаться с «сильными», «богатыми»: «С креплешиим себе и с богатеишим не приобштай ся: кое бо приобштение гърньцо с котьломъ — ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). Пословица всю эту мысль выражает одним образом, достаточно емким, чтобы вместить в себя различные подтексты на тему неравенства. Даль приводит пословицу: «Горшок котлу (вар.: чугуну) не товарищ» (стр. 773).

Даже в пределах того материала, какой дают афоризмы Изборника 1076 г. для сопоставления с устными пословицами и «пословичными изречениями», не имеющими переносного смысла, мы приходим к двум различным выводам из такого сопоставления. В одной группе устных изречений их прямая связь с литературными первоисточниками очевидна, и записи разного времени — от XVII до XIX в. — показывают то полную